

**Доклад Е.Т.Гайдара
на Пленуме Совета партии 11 марта 1995 г.**

**"О политической ситуации в стране
и позиции партии"**

Дорогие друзья!

В ноябре 1994 года, собравшись на предыдущем заседании Совета партии, мы обсуждали, в первую очередь, проблемы экономической платформы Правительства на 1995 год. Было принято решение поддержать тот поворот, который предлагало Правительство. Пленум принял решение о необходимости начала подготовки к выборам 1995 года, выдвинув инициативы по созданию широкой демократической коалиции.

Прошедшие с этого времени 4 месяца были тяжелым периодом и для страны, и для нашей молодой партии,

Развитие событий оказалось под сильным влиянием того фактора, который мы не обсуждали на прошлом Совете партии. Я имею в виду начало войны в Чечне, которая во многом воздействовала на все аспекты социально-экономического и политического развития страны, в том числе на изменения в общественном мнении, на разграничение политических сил. Несомненно, этот фактор оказал влияние и на нашу партию.

Поэтому, с вашего разрешения, я в своем выступлении хочу остановиться на трех взаимосвязанных проблемах. Первое - на чеченской войне и позиции нашей партии по этому вопросу. Второе - о современной экономической ситуации и политике Правительства и об отношении нашей партии к этой политике. И, наконец, на наших внутрипартийных задачах в связи с теми проблемами, которые нам предстоит решать в ближайшие месяцы.

Первое - чеченская война. Пусковым моментом к силовому решению чеченского кризиса, доставшегося нам в наследство со времени распада Советского Союза, без всякого сомнения явилась экстремальная слабость режима Дудаева по состоянию на осень 1994 года. Всем было видно, что режим утратил популярность и поддержку даже своих ближайших сторонников.

Е.Т.Гайдар

В результате наметились две стратегии дальнейшего решения этой проблемы. Первая, не очень драматичная и красивая, но в долгосрочном плане наиболее эффективная, стратегия сочетания экономического и политического давления, с переговорами, компромиссами. И вторая - попытка силового решения, на которую и был взят курс в конце ноября.

Это нам сразу стало ясно, и наша партия, Политсовет в начале декабря уже выработали свою позицию по этому вопросу.

Какие основные факторы мы вынуждены были учитывать выработывая эту позицию? Первое: мы были убеждены, что гораздо легче начать войну на Северном Кавказе, чем ее завершить. Мы были убеждены, что люди, подталкивающие Президента к силовому решению, не имеют ни малейшего представления о реалиях процессов, связанных с использованием силы в Чечне и стабилизации положения в этом регионе. В этой связи для нас было совершенно очевидно, что ни о каких двух часах, ни о каком парашютно-десантном полке речь идти не может. Это будет затяжная, тяжелая и кровавая война с огромными жертвами, в том числе и среди мирного населения, и разрушениями. Война будет тяжелой, бессмысленной и непопулярной. Было ясно и то, что эта война станет серьезным испытанием для всех демократических и рыночных институтов России, что во многом те силы, которые хотят повернуть на военный путь решение чеченской проблемы, имеют своей целью отнюдь не только Чечню. Они имеют своей целью демократию в России, рынок в России.

Если страна воюет, то какая может быть свободная пресса. И отсюда мощнейшее наступление на свободу прессы в декабре 1994 г. - параллельно с началом военных действий. Если страна воюет, то какие могут быть выборы. И отсюда широко распространенное заявление - декларация о целесообразности переноса выборов и о том, что если мы так хорошо поработали, то давайте поработаем еще дольше. Отсюда предложение о повороте экономической политики, ренационализации собственности. Короче говоря, предложения, реализация которых означала бы перевод развития России на путь недемократический, нерыночный, нанесла бы удар по всему, что мы делали, за что боролись.

Выработывая свою позицию, мы понимали и другое: если мы выступим решительно против тех методов, которые будут использованы для решения

чеченского кризиса, это неизбежно резко изменит отношения с властью нашей партии, которая формировалась как партия демократическая, реформаторская и вместе с тем, как партия, близкая к власти, власти демократической, существенно сократит наши возможности влиять на принимаемые властью решения. Во многом этого и добивались те, кто подталкивал к силовому решению чеченского кризиса. Мы понимали, что это вызовет внутреннюю дискуссию в самой нашей партии и приведет к процессу размежевания по крайним позициям с некоторыми нашими сторонниками и союзниками.

В этой ситуации сложилось три точки зрения, которые высказывались при обсуждении в первичных партийных организациях, в регионах, в дискуссиях на Политсовете партии.

Первая позиция состояла в том, что использование силы будет неэффективно, но эта наша демократическая власть, она борется с малоприятным криминальным режимом. У нас нет другого пути, кроме того, как поддержать то, что она будет делать, закрыв глаза на кровь и на жертвы, подставив свое плечо для того, чтобы поддержать Президента, тем самым сохранить возможность корректировать проводимую политику.

Существовала и противоположная точка зрения. Суть ее в том, что если Президент и Правительство встали на путь военного решения чеченской проблемы, что неизбежно приведет к огромным жертвам, то нам не остается ничего другого, как потребовать отставки Президента и Правительства, немедленно отозвать своих представителей из Правительства и отмежеваться от тех представителей, которые захотят там остаться, призвать международное сообщество к введению экономических санкций против России, ведущей неправую войну и т.д.

И все-таки, при обсуждении этого вопроса подавляющее большинство членов Политсовета и, по имеющимся у нас данным, большинство членов партии, заняли другую позицию, позицию, как мне кажется, более разумную и взвешенную. Суть ее вам хорошо известна, она отражена в документах Политсовета, которыми вы располагаете, и я не буду ее повторять.

Скажу два слова в обоснование этой позиции. Первое, дискутируя с теми, кто призывал нас, скрепя сердце, поддержать Президента. В данном случае я даже не апеллирую к соображениям моральности или аморальности такой политики и не потому, что это не имеет значения, а потому, что я хочу это сознательно вынести за скобки. Да, мы ведем тяжелую борьбу за будущее России, и она ведется на многих направлениях. Мы действительно должны думать не только о том, насколько красива будет наша позиция, но, главное, о том, чтобы не проиграть в целом. Но не надо иллюзий. Если бы мы даже, закрыв глаза на все страшные, моральные издержки чеченской войны,

поддержали ее в тщетной надежде на то, что эта поддержка позволит нам сохранить влияние и через него ограничивать масштабы страшных последствий для России выбранной политики, это была бы фатальная ошибка.

В этой ситуации мы неизбежно разорвали бы связи с той частью общества, которая, собственно, и поддерживает нашу партию. Маргинализованная наша партия не стала бы влиятельной политической силой. Не надо иллюзий: уважают и считаются только с сильными политическими партиями. С политически слабыми, в том числе и готовыми на безграничные компромиссы, никто не считается и считаться не будет, поверьте моему опыту и знанию механизма принятия решений в конкретных российских органах власти.

Почему я считал невозможным и неправильным принятие решения о том, что мы должны немедленно потребовать отставки Президента, немедленно отозвать своих представителей из Правительства? Именно в этом вопросе, по моему, необходимо было учесть всю сложность ситуации в России. Ведь те, кто начинали чеченскую войну и подталкивали к ней Президента только и мечтали о том, чтобы в Правительстве больше не осталось наших единомышленников, и у них появилась бы полная свобода действий, возможность развалить рыночные институты, чтобы у них были полностью развязаны руки.

Да, я согласен с тем, что чеченская война, как массовое нарушение прав человека, не является чисто внутренним делом России. Но давайте подумаем, к какому результату, скажем, привело бы введение экономических санкций против России? Я уверен, что наши противники просто ликовали бы по поводу этого решения. Оно снимает с них всякую ответственность за последствия собственных глупостей, собственных преступных ошибок. После этого, не Чечня и не просчеты в экономической политике, а те, кто призывал к санкциям, отвечали бы за неизбежные и огромные социально-экономические издержки, суть которых была не в санкциях, разумеется, а в последствиях самого военного решения.

Это была бы индульгенция органам власти на безответственную экономическую политику, индульгенция, которую мы сами бы выписали своими собственными руками.

Если проанализировать развитие событий на протяжении последних трех месяцев, мне кажется, что в целом оно подтвердило то, что наша позиция была правильной. К сожалению, многое из того, чего мы опасались и прогнозировали, произошло. На мой взгляд было важным и то (а это было во многом результатом нашей работы), что потерпели полный крах надежды тех, кто полагал, что российское общество с энтузиазмом на волне радикального национализма воспримет начавшуюся войну.

Такие иллюзии были, и я могу рассказать вам, что в разговорах со многими высокопоставленными государственными деятелями слышал эти аргументы. Мне говорили о том, что война будет популярной и общество ее поддержит. Но оказалось, что российское общество рассуждает более или менее здраво, и, я думаю, сработали наши пропагандистские усилия. По всем данным наших социологических опросов, часть из них вам роздана, часть - известна, подробнее об этом расскажет Л.Гозман, - подавляющая часть общества не поддержала чеченскую войну, потому что не поверила, что избранные средства действительно реализуют прокламируемые цели, что они обеспечат целостность и порядок в России.

Нам не удалось остановить войну. Это наше серьезное поражение. Но я считаю, что нам удалось добиться выполнения ряда серьезных задач, которые мы ставили перед собой. И в результате наших усилий была остановлена волна использования чеченской войны для радикального перелома развития событий в самой России. Не произошло реальной ликвидации свободы слова - она сегодня сохранена. Президент решительно отмежевался от предложения перенести выборы. Я думаю, что это правильно. В результате тяжелой борьбы вокруг экономической политики и в этой области негативного для нас перелома не произошло, хотя за чеченскую войну мы уже платим очень дорого.

В чем были наши серьезные просчеты и где мы потерпели поражение? Я думаю, что очень серьезной проблемой была слабость пропагандистского обеспечения нашей деятельности. Конечно, надо понимать, что мы не единственные "игроки" в этой тяжелой борьбе. Против нас играют и работают опытные, квалифицированные люди и структуры. Надо сказать, что здесь наша работа на протяжении последних трех месяцев не всегда оказывалась на уровне, и отсюда - довольно серьезные издержки.

Первое. Как вы помните, наша позиция по чеченской войне была выработана еще до начала военных действий, была поддержана большей частью Политсовета и, в общем, никогда не пересматривалась. И в каждом последующем решении мы вынуждены были поддержать предыдущее, потому что жизнь подтверждала их сама. Тем не менее, используя совершенно неизбежный и естественный факт существования в демократической партии полифонии мнений по такому сложному вопросу, нашим противникам удалось создать превратный образ политики и позиции "Выбора России", политики мечущейся, колеблющейся, кидаящейся из крайности в крайность, иногда истеричной.

Как это делалось, вы все хорошо видели: вырывались из контекста слова отдельных членов нашей партии, противопоставлялись друг другу и на этой

основе говорилось о том, что позиция партии радикально меняется, что в партии образовался раскол по этому вопросу, и так далее.

Ну, что ж? Это элемент жизни. Надо понимать, что так и будет и мы не уговорим наших противников играть по другим правилам. Это надо учитывать в своей работе, в том числе и пропагандистской.

Чеченская проблема, на мой взгляд, вскрыла и целый ряд слабостей в организации нашей работы, в организации работы нашего Исполкома, который не всегда своевременно и четко обеспечивал прохождение информации в наши региональные партийные организации. А это как раз тот случай, когда запаздывание даже на два-три дня играет на руку оппонентам. Сказалась и слабость отдельных региональных партийных организаций, которые оказались не готовыми к серьезной разъяснительной работе в пропаганде наших позиций.

И сегодня для меня абсолютно очевидно, что путь силового решения проблемы в Чечне бесперспективен. Кстати говоря, это становится очевидным именно тем, кто раньше выступал главным энтузиастом такого решения. Министр обороны П.С.Грачев говорит, что воевать там мы будем, оказывается, уже не два часа, а пять лет. Генералы жалуются на то, что сначала чеченцы приходят за гуманитарной помощью, а потом берут автомат и стреляют в наших солдат. Как-будто кто-то не знал, что именно так и ведется любая партизанская война. И приходит понимание того, что начав эту войну, мы выпустили "джина", которого очень трудно загнать в бутылку. И ясно, что сегодня путь к миру на Северном Кавказе гораздо более труден, чем он был осенью 1994 года. И вместе с тем я убежден, что продвижение к нему возможно. Это, кстати, показал и опыт переговоров с руководителями религиозных конфессий, со старейшинами, муфтиятом Чечни. Это показали и переговоры, которые велись в Назрани между российским командованием и командованием вооруженных формирований, переговоры, которые были очень эффективными с точки зрения прекращения военных действий.

У меня есть твердое убеждение, что тот мирный план, который был предложен в свое время С.А.Ковалевым и обсужден с привлечением широкого круга специалистов на конференции при нашем участии "Мир Кавказу - мир России", остается наиболее реалистичным путем к постепенному, медленному повороту к миру.

И здесь, я убежден: дорогу осилит идущий. При желании продвигаться по этому направлению, без всякого сомнения, можно. И мы будем приветствовать любые шаги федеральных органов власти в этом направлении.

Экономическая ситуация. Еще до того, как Правительство начало реализовывать собственную концепцию 1995 года, которую мы поддержали, эта концепция оказалась под рядом тяжелейших ударов, тесно связанных с началом

чеченской кампании. Во-первых, начало чеченского кризиса неизбежно и резко подхлестнуло инфляционные ожидания. Инфляция декабря-января была аномально высокой не только из-за продолжения последствий летней денежной "накачки", но из-за фактора инфляционных ожиданий. Высокие инфляционные ожидания вызвали тяжелейшие перегрузки валютного рынка, вынудили Центральный банк повышать процентную ставку, что нанесло тяжелейший удар по перспективам стабилизации, так как суть стабилизационной программы 1995 года, - это постепенные меры по снижению процентной ставки и создание предпосылок для инвестиций в отечественную промышленность.

Естественное недоверие к национальной валюте, недоверие к государству привело к кризису на рынке государственных краткосрочных обязательств. Надежды на развитие этого рынка, заложенные в проект бюджета, по крайней мере в январе-феврале, оказались нереалистичными. Предельно высокие процентные ставки по государственным обязательствам делали ситуацию рискованной, реально угрожали при экспансии использования этих средств превратить систему ГКО в государственную пирамиду с тяжелейшими последствиями для национальной финансовой системы. Кроме того, начавшаяся война неизбежно резко осложнила переговоры с международными финансовыми организациями, расчет на льготные кредиты которых был уже включен в бюджет на 1995 год. И то соглашение, которое как все рассчитывали, должно было быть заключено в конце декабря 1994 года, реально было заключено только вчера. Плюс к этому дополнительные крупные издержки:

- издержки на финансирование военных действий, на помощь беженцам;
- издержки на восстановление разрушенного городского и народного хозяйства.

Эти издержки придется финансировать за счет перераспределения расходов, за счет недофинансирования социальной сферы, по существу за счет благосостояния граждан.

Все это вместе заложило серьезнейшую бомбу под всю экономическую программу Правительства на 1995 год, сделало возможность ее реализации в том виде, в котором она была разработана, предельно низкой.

В этой ситуации возникла довольно жесткая и неприятная альтернатива. Те, кто подталкивали к чеченской войне, очень хотели, как мне кажется (и больше того, как я знаю), использовать ее для радикальной смены экономического курса. Выступления, которые звучали в российском правительстве о необходимости ренационализации собственности, были лишь прологом к тому возможному и вполне реальному повороту в экономической политике, который состоялся бы, если бы Правительство отреагировало на чеченскую войну резким ростом военных расходов, эмиссионным

финансированием, дальнейшим ужесточением административного контроля над валютным рынком, неизбежным в этой связи отказом от конвертируемости рубля, восстановлением административного контроля за уровнем цен и многими другими мерами, к которым Правительство подталкивали.

К счастью, на мой взгляд, в Правительстве возобладала противоположная точка зрения. Точка зрения, суть которой состояла в том, что и в этой сложнейшей ситуации, при всех издержках единственно разумный путь - это попытаться удержаться в рамках рынка и стабилизационной программы на 1995 год. Это было тяжело. Это привело к серьезным напряжениям. И все-таки, мне кажется, что ситуация здесь не безнадежна.

В последнее время, особенно в последних решениях, принятых Президентом, впервые, пожалуй, за последние годы, начинает просматриваться целостность и внутренняя логика, ощущение единства принимаемых решений, воля людей, которые знают, что они делают. К примеру, такие меры, как отмена льгот по импортным и экспортным тарифам в сочетании с отменой административных ограничений экспорта, реально служивших лишь источником коррупции и злоупотреблений в органах государственной власти, на мой взгляд, резко повышают шансы на успех экономической политики Правительства. Возрастают шансы на то, что удастся и в этой сложнейшей ситуации сохранить основные антиинфляционные ориентиры, существенно снизить темпы инфляции и процентную ставку к началу лета, создать предпосылки большей финансовой стабильности, создать к началу осени предпосылки для инвестиций в производственную сферу. Сегодня после этих решений Президента, которые, мне кажется, мы должны горячо поддержать, потому что это то, к чему мы всегда призывали, шансы стабилизировать экономику резко возросли.

В этой связи очевидно, насколько правильным является решение сохранить наших коллег в Правительстве, поддержать ту работу, которую они там проводят. Наша фракция поддержала проект бюджета. Мы настаивали на внесении в него целого ряда изменений. Некоторые из этих изменений нам удалось провести, в частности, корректировки, позволившие увеличить финансирование науки, культуры, программы по образованию.

Однако не по всем направлениям нам удалось отстоять свою позицию - блок аграриев и поддержавших их фракций оказался сильным. Тем не менее, бюджет на 1995 год, мне кажется, дает основания для сдержанного, умеренного оптимизма.

Наиболее серьезные проблемы, начнутся с середины года, особенно ближе к осени, в сентябре-октябре. Бюджет на 1995 года разработан, исходя из очень сдержанных, я бы сказал, заниженных, оценок темпов инфляции и,

соответственно, размеров валового внутреннего продукта. Это делает возможной довольно жесткую бюджетную политику. Вместе с тем это абсолютно неизбежно приведет к резкому усугублению социальных проблем, по крайней мере с середины 1995 года, в связи с недостаточностью выделенного финансирования для обеспечения минимальных потребностей социальной защиты населения.

В этой связи именно в этот момент Правительство, да и мы все вместе окажемся перед тяжелым выбором, к которому мы должны быть готовы. Попытка закрыть глаза на эти социальные проблемы абсолютно бесперспективна. Она приведет просто к тому, что движение по пути реформ резко будет прервано, и это или другое Правительство вновь вернется к бесперспективному, но масштабному эмиссионному финансированию, опять "поставит крест" на всех наших усилиях.

Наша задача - помочь нашим коллегам, сориентировать их на необходимость подготовки комплекса документов и решений, позволяющих именно со второго полугодия 1995 года внести серьезные коррективы в систему социальной защиты, сделать эту систему значительно более адресной, эффективной, позволяющей реагировать на рост социального напряжения не линейным увеличением финансирования по всем статьям, выгоду от которого получают, в первую очередь, высокооплачиваемые, высокообеспеченные слои, а адресной поддержкой особонуждающихся социальных групп, которые окажутся в наиболее сложном положении.

Закон о прожиточном минимуме, над которым мы работаем, в принципе, открывает для этого дорогу. Мы будем продолжать эту работу и в нашей фракции, и вместе с Правительством. Убежден, что именно здесь стержень и предпосылка для возможности успеха экономической программы 1995 года.

В этой ситуации, думаю, что критикуя Правительство во всех тех сферах, где оно, на наш взгляд, серьезно ошибается, критикуя его за явное бездействие в области военной и аграрной реформы, за сохраняющуюся во всех структурах власти и являющуюся вызовом обществу бюрократическую роскошь, мы должны продолжать диалог с Правительством и поддерживать любые его шаги, которые, являются, на наш взгляд, разумными и позволяют создать предпосылки вывода российской экономики из кризиса.

О наших внутрипартийных делах и внутрипартийных задачах. Естественно, радикальное изменение нашего отношения к власти, произошедшее на протяжении последних трех месяцев, не могло не вызвать серьезных проблем и разногласий в самой партии. Была внутренняя дискуссия. Вы знаете, наверное, что Председатель Исполкома нашей партии О.В.Бойко оказался в меньшинстве по тому вопросу, о котором я говорил в начале: о Чечне. Его позиция не была

поддержана большинством Политсовета. В этой связи на заседании Политсовета он проинформировал наших коллег о том, что, не разделяя позицию большинства Политсовета по этому, хотя и частному, но очень важному вопросу, оставаясь членом партии и нашим единомышленником по многим другим вопросам, он не считает себя вправе занимать высший исполнительный пост в партии, отвечать за реализацию той политики, которую вырабатывает Политсовет. Я считаю, что это было достойное решение, вполне понятное и естественное. На Политсовете мы поблагодарили Олега Викторовича за его работу. Несмотря на ту критику в адрес Исполкома, которая многократно звучала на Политсовете, и, я уверен, будет звучать в этом зале, надо признать, что Олег Викторович сделал много для того, чтобы наша партия стала организованной с широкой региональной сетью. Мы благодарим его за работу и надеемся, что он останется нашим политическим союзником, нашим товарищем по партии.

Так как этот вопрос входит в компетенцию съезда, то по действующим нашим нормативным документам я могу только возложить временное исполнение обязанностей на одного из наших коллег до съезда. Мы обсудили этот вопрос, и я принял решение возложить временное исполнение обязанностей Председателя Исполкома на члена Политсовета нашей партии Валентина Ивановича Татарчука.

Без всякого сомнения, нам нужно будет подкорректировать многое в работе Исполкома. Мне кажется, что в ней были и сильные и слабые стороны. К наиболее слабым можно отнести две вещи: первое - это недостаточное внимание к нашей пропагандистской работе, в том числе с точки зрения организационной и финансовой поддержки, потому что наша политическая организация бессмысленна и бесплодна без серьезной пропаганды. Без этого наша работа лишена главного - предметности. Это самое главное серьезное упущение, которое надо будет поправить в работе Исполкома; второе - проблема недостаточной связи наших центральных органов, в первую очередь Исполкома, аппарата с работой местных партийных организаций.

Главная претензия, которая звучит постоянно и которую я регулярно высказываю на заседаниях Политсовета, состоит в том, что засыпая наши низовые организации потоком запросов на информацию различного рода, Исполком, аппарат партии и Политсовет были крайне скудными в обеспечении партийных организаций жизненно важной для работы на местах информацией о нашей позиции, о работе в целом.

Должен сказать, что мой опыт работы, в том числе в регионах показывает, что есть серьезные проблемы в наших региональных организациях.

К сожалению, есть немало региональных партийных организаций, которые проявляют поразительную беспомощность в решении самых элементарных вопросов, например, таких, как своевременное представление финансовых отчетов. Иногда обильная и справедливая критика центрального аппарата подменяет полную неспособность и неготовность организовать самую элементарную работу по разъяснению наших позиций на местах. А есть случаи, когда видно, что местная партийная организация, ее руководители боятся роста числа наших членов и сторонников, причем не потому, что в партию придут люди, способные ее скомпрометировать (это правильное опасение, и слава Богу), а потому, что они как бы пытаются и надеются построить партийную организацию под себя как свою маленькую группу поддержки, которая всегда должна поддержать своего лидера вне зависимости от того, какую позицию он занимает. Эта проблема есть и с ней надо обязательно разбираться и заниматься.

У нас молодая партия и в ней неизбежно происходят процессы политического размежевания, с учетом развития политической ситуации в обществе. Не вижу в этом ничего страшного, считаю, что пусть лучше это произойдет сегодня, а не завтра, когда нам нужно будет максимальное единство в рамках избирательной кампании.

Мы партия формирующаяся, поэтому в нашу партию будут неизбежно приходить люди нечестные, недобросовестные и иногда сознательно имплантированные для ее дискредитации. Такой метод активно использовался в свое время КГБ для работы с демократическими организациями, и он будет использоваться и используется нашими противниками для дискредитации нашей партии. В этой связи, я убежден, что чем жестче, решительнее мы будем освобождаться от собственных проходимцев, чем жестче, решительнее будем освобождаться от тех, кто своими злоупотреблениями объективно дискредитирует партию, тем выше будет ее авторитет. Я считаю это нашей важнейшей задачей и в центре, и на местах.

Несколько слов о нашей партийной работе в связи с подготовкой к выборам. Уже сейчас начинается интенсивный период подготовки к избирательной кампании. Мы будем обсуждать этот вопрос чуть позже, и В.И.Татарчук об этом будет говорить. Вам розданы документы по второму вопросу повестки дня. Не забегая вперед, хочу сказать о результатах работы, которая была проделана со времени проведения последнего Совета партии. Важнейшая из них была связана с работой по созданию широкой демократической коалиции.

Мы разработали конкретные предложения по механизму создания такой коалиции. Суть этих предложений - координация нашей работы по выборам по

мажоритарным округам, взаимное снятие кандидатов, создание контрольных и координационных межблоковых механизмов для решения спорных вопросов, координация пропагандистских усилий.

На сегодняшний день наши потенциальные партнеры по коалиции занимают выжидательно-неопределенную позицию. Никто не решается впрямую сказать "нет" широкой демократической коалиции. Никто пока не решается сказать "да" и конкретному началу этой работы. А работу эту начинать надо.

Мы будем продолжать эти усилия в центре, и, мне кажется, это не безнадежно. Я все-таки надеюсь, что здравый смысл и ответственность восторжествуют, и наши потенциальные партнеры поймут хотя бы меру своей ответственности за неизбежные и тяжелые последствия разрозненных усилий. Думаю, что мы были правы, когда сказали о необходимости переноса тяжести этой работы на места, в первую очередь, в региональные партийные организации, потому что именно там можно и нужно договариваться о главном вопросе для нас - о координации усилий по выборам по мажоритарным округам.

Эта работа уже начала разворачиваться, в ряде регионов, по нашим данным, уже достигнуты серьезные договоренности о единстве действий демократических сил на предстоящих выборах. Очень надеюсь, что нам удастся широко развернуть ее во всех регионах России. Тогда база для давления, в том числе и на политических лидеров в Москве, тех, кто не будет или не хочет договариваться, будет существенно укреплена, тогда наши призывы не будут просто призывами из Москвы, а будут жестким требованием наших единомышленников по всей России.

Дорогие друзья!

Те четыре месяца, которые отделяют нас от прошлого Совета партии, были не простыми для нашей партии и для нашей страны. Это были времена тяжелых решений и непростых испытаний.

Вместе с тем, я категорически отказываюсь обсуждать сегодняшнее положение в терминах истерики и паники. При всех наших проблемах на сегодняшний день наша партия, без всякого сомнения самая сильная демократическая общероссийская федеральная организация, имеющая серьезную базу в подавляющем большинстве регионов России.

У нас и до сих пор имеются серьезные возможности влиять на проводимую политику, в первую очередь, политику экономическую и реализовывать, по крайней мере, существенную часть из наших программных положений в практической работе, в том числе в законотворческой деятельности, несмотря на огромные проблемы в работе Государственной Думы.

У нас твердое знание того, что нужно России, за нами историческая правда. В этой ситуации впасть в панику, начать посыпать себе голову пеплом и

говорить, что все пропало, могли бы только люди малодушные, безответственные, не готовые к серьезной борьбе.

Убежден, что таких в нашей партии не много.

Уважаемые коллеги, разрешите на этом завершить свое выступление.

Спасибо.